

ЛАНА БЛЭР

ОСКОЛКИ ФАЛЬШИВОГО *Рая*

Чужих детей не бывает

Лана Блэр

Осколки фальшивого Рая

«Автор»

2026

Блэр Л.

Осколки фальшивого Рая / Л. Блэр — «Автор», 2026 — (Чужих детей не бывает)

Дамир. Я привык держать все под контролем, но мой мир рухнул в одночасье. Я запер себя в стенах холодного дома, решив, что мое сердце мертво, пока в нем не поселилась она — та, кто нарушила все мои правила. Инесса. Я пришла, чтобы спасти маленькую девочку от одиночества, но не заметила, как сама стала частью этой семьи. Я полюбила чужого ребенка как своего и отдала сердце мужчине, чья броня казалась непробиваемой. Между ними непреодолимое притяжение и сотни преград. Им предстоит разрушить фасад идеального прошлого и собрать новую жизнь из осколков фальшивого Рая, доказав всем, что настоящая любовь не знает границ. Детям не знакомы законы взрослых игр, они не участвуют в противостояниях, но простой улыбкой легко переворачивают мир тех, кто уже не ждет от судьбы особого подарка. Чужих детей не бывает, и мы это докажем. Читайте истории литмоба "Чужих детей не бывает"

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лана Блэр

Осколки фальшивого Рая

Пролог

Дамир

Дом встречает меня тишиной, в которой есть траур. Закрыв за собой дверь, несколько секунд стою не двигаясь. Не потому, что устал, усталость я умею носить. Просто любое движение кажется лишним и неуместным.

Я давно живу в Петербурге. Привык к холодному воздуху, который въедается в легкие в любое время года, но сегодня дом словно стал чужим.

К вечеру он опустел, шаги стихли, а голоса исчезли один за другим. Запах еды, специй и горячего чая выветрился, будто его и не было. Осталась тишина.

Сегодня был день, когда Заиру предали земле.

У меня не осталось ни одного момента, за который можно было бы зацепиться. Все прошло слишком быстро. Неприлично быстро для того, что должно было сломать жизнь. Утром – люди, машины, слова. Днем – земля. К вечеру – пустота.

В прихожей почти ничего не изменилось. Шуба Заиры аккуратно висит на своем месте. Глядя на нее, внутри поднимается привычное, почти автоматическое ожидание, что сейчас за спиной раздадутся ее шаги.

Но тишина не нарушается.

Я продолжаю стоять, словно даю ей время выйти. И только спустя несколько секунд понимаю, что ждать больше некого.

В груди что-то медленно оседает и становится тяжелым. Боль не резкая, а глухая, давящая, как камень, положенный на грудь. С таким не кричат. С таким просто учатся дышать.

Днем все прошло слишком стремительно. Люди подходили, говорили правильные слова, хлопали меня по плечу. Я отвечал кивком. Смотрел прямо. Делал все, что от меня ждали. Говорил мало. Молчание было удобнее, в нем не нужно было объяснять, что внутри пусто.

Врачи сказали, что это разрыв аневризмы. Смерть была мгновенной, тихой и пугающе аккуратной – Заира просто не успела сделать следующий вдох. Она сидела в кресле с планшетом в руках, и со стороны казалось, что она просто задумалась или задремала. Даже выражение ее лица не изменилось. Ей было всего двадцать пять лет... В этом возрасте жизнь только начинается, а для нее она оборвалась на полуслове. В тот вечер я почувствовал, как мой мир, в котором она была центром вселенной, рассыпается в прах.

Мне тридцать пять. Десять лет разницы, которые раньше казались лишь цифрой, теперь превратились в пропасть. Я должен был быть опорой для Заиры. Тем, кто мудрее и сильнее. Но какая разница, сколько тебе лет, если ты стоишь перед закрытой дверью, в которую больше никто не войдет?

Кто-то сегодня сказал, что я сильный. Кто-то – что Заире повезло с мужем. Я запомнил эти слова, потому что не понял, где именно во мне эта сила. И кому она теперь нужна.

Пройдя в гостиную, снимаю часы и кладу их на тумбочку. Звук кажется каким-то громким. В этом доме любой звук теперь звучит как вторжение.

Заира любила, когда я решаю. Когда говорю, и больше ничего не нужно объяснять. Она слушала внимательно, чуть наклоняя голову, как будто ловила каждое слово. Кивала. Иногда улыбалась. Часто говорила: «Как скажешь».

Я вспоминаю, как легко рядом с ней было молчать. Как не нужно было защищаться, спорить, доказывать. Я скучаю по этой тишине. По ее спокойствию. По ощущению, что меня ждут именно таким, какой я есть.

Поднявшись на второй этаж, замираю в коридоре. Прислушиваюсь к дому, словно к живому существу. Как будто он тоже скорбит и не знает, как теперь быть. Как будто ждет, что кто-то объяснит ему новые правила.

Руфина спит. Сегодня было много людей, голосов, чужих рук, шума. Она устала. Но я все равно медленно иду к детской. Обычно на это уходило полтора-два часа – плач, упрямое бодрствование, тело, которое никак не хотело сдаваться сну. Иногда она просто лежала с открытыми глазами, будто боялась закрыть их.

Сейчас дверь приоткрыта. Из комнаты выходит Айшат, домработница, и внимательно смотрит на меня. Так смотрят женщины, которые видели слишком много и знают, что спрашивать не нужно.

– Уснула, – говорит она шепотом. – Сразу.

– День был длинный, – объясняю то ли ей, то ли себе. – Устала.

Айшат кивает и уходит по коридору, не задавая вопросов. Заглянув в детскую, поджимаю губы. Дочка лежит на боку, прижав к себе край одеяла. Соска во рту. Она медленно, сонно посасывает ее, почти не двигаясь. Дыхание ровное, глубокое. Ресницы отбрасывают тень на щеки. Она выглядит слишком маленькой для всего этого.

Тихо прикрыв дверь, спускаюсь на первый этаж и прохожу на кухню. На столе стоит бутылка вина – подарок от клиента. Дорогая, тяжелая. Взяв ее в руки, кручу, читаю этикетку, будто ищу что-то. Мне нельзя пить. Я знаю это. Да и не собираюсь.

Открыв бутылку, делаю глубокий вдох и морщусь. Запах резкий, насыщенный. Наливаю в бокал и смотрю, как бордовая жидкость касается стекла. Покручивая его в руке, ловлю себя на том, что делаю это машинально, без интереса. Стекло холодит ладонь, вино медленно стекает по стенкам, оставляя густые дорожки.

Подношу бокал ближе, но не пью. Просто смотрю, как темная поверхность дрожит от малейшего движения руки. Запах давит, лезет в голову, обещает притупить края мыслей, и именно поэтому я останавливаюсь. Делаю несколько шагов и, вылив вино в раковину, долго смотрю, как оно исчезает в сливе.

Мне не становится легче. И не становится хуже.

Поднявшись в спальню, оглядываю аккуратно заправленную кровать. Я стою у порога и понимаю, что не хочу ложиться. Теперь она слишком большая для меня одного.

Сев на край, смотрю на вторую подушку.

Я помню, как она засыпала. Сначала долго лежала. Тихая, почти неподвижная, как будто прислушивалась к дому, к тому, как за стенами постепенно стихает жизнь. Потом поворачивалась ко мне и находила ладонью мою руку. Просто касалась – легко, будто проверяла, что я здесь. Заира не обнимала меня крепко. Ей было достаточно этого касания.

Я мог смотреть в потолок, думать о работе, о завтрашнем дне, о чем угодно и не чувствовать напряжения. Рядом с ней оно просто исчезало. Растворялось. Как будто мир за пределами этой комнаты переставал существовать.

Поднимаю глаза выше. Над кроватью висит наш свадебный портрет. Я почти не замечаю себя, все внимание уходит к Заире. К ее черным глазам, спокойным и глубоким, в которых нет ни тени сомнения. Она смотрит так, как смотрела всегда: уверенно, мягко, будто заранее соглашаясь со всем, что я решу, будто ее место рядом, и этого достаточно.

Я смотрю на нас и впервые чувствую не просто потерю, а пустоту. Глубокую, тянущую, такую, в которой не за что зацепиться. Мне не хватает Заире не за разговоры и не за слова. Мне не хватает того, что рядом был человек, при котором моя сила не ставилась под сомнение. Мне не нужно было ее доказывать, она просто принималась как данность.

Ущипнув себя за переносицу, заставляю подняться. Переодевшись, я выключаю свет, и спальня тонет в темноте. Ложусь на кровать, закрываю глаза и понимаю: впереди не «новый день». Впереди жизнь, в которой больше нет Заиры. И с этим мне придется научиться существовать.

Глава 1

Прошло семь месяцев

Инесса

Крестовский остров встречает меня без приветствия. Здесь все какое-то слишком правильное: ровные дорожки, аккуратные дома, закрытые заборы. Кажется, что даже воздух вычищен от лишнего.

Выйдя из такси, на секунду задерживаюсь, оглядываясь, будто проверяю, туда ли я приехала. Но адрес верный. Внутри поднимается легкое, почти детское желание развернуться и уехать.

Это место знают все, кто хоть раз слышал фамилию Дамира – Самиров.

Его семья не та, о которой пишут в газетах. О таких не говорят вслух, о них знают. Деньги, влияние, связи. Они не мелькают в новостях, а просто существуют, и город подстраивается под них, сам того не осознавая.

О смерти Заиры я узнала не от знакомых и не из доверительных разговоров. Это были слухи в разных источниках. Умерла жена. Молодая. Осталась девочка.

Говорили еще и другое – няни в этом доме не задерживались. Одни уходят сами. Других попросили. Причины называли разные, но итог всегда был один: долго там никто не выдерживал. Слишком тяжелый дом и тишина после хозяйки.

Именно тогда я и решила попробовать. Не из любопытства и не из желания проверить себя на прочность. Все было проще: меня сократили, потому что детский сад закрывался.

Ворота закрываются за мной с глухим звуком и металлическим эхом. Я иду по дорожке и чувствую, как напряжение поднимается под ребрами пряником к горлу.

Навстречу выходит невысокая женщина в темном платке, повязанном строго и просто. На вид ей около шестидесяти. Лицо смуглое, морщины глубокие. Карие глаза смотрят внимательно и цепко.

– Инесса? – спрашивает она, хотя по интонации ясно: это не вопрос.

– Да, – улыбаюсь.

Она кивает, но взгляд не теплеет. Медленно осматривает меня снизу вверх: сапоги, пуховик, руки, осанку. Она не оценивает внешность, а проверяет соответствие.

– Айшат, – представляется она коротко. – Сначала повесьте верхнюю одежду на вешалку у входа.

Сняв пуховик, вешаю и сжимаю ремешок сумки.

– Идемте.

Дом внутри еще строже, чем снаружи. Просторный, светлый, в бежевых и песочных тонах, будто кто-то намеренно убрал из него все резкие цвета. Мебель массивная, без декоративных излишеств. Здесь нет мелочей, которые хочется рассматривать. Все выглядит утвержденным раз и навсегда – как решение, которое не обсуждают.

Я иду следом и ловлю себя на том, что автоматически снижаю шаг. Как будто громкость моих движений здесь тоже должна быть другой.

На стенах замечаю портреты. Сначала один – женщина с черными волосами и спокойным взглядом черных глаз. Потом второй – она же, моложе. Третий – снова она, с едва заметной улыбкой.

Мне не нужно, чтобы кто-то называл имя. Я знаю, что это Заира. Видела ее раньше на фотографиях, которые всплывали в интернете. Говорили, что она была идеальной женой. Спокойной. Правильной. Такой, какой здесь и должна была быть.

Айшат чуть замедляет шаг, словно дает мне время все это увидеть. Я держу лицо ровным, но внутри ощущаю странное напряжение – будто я вошла на чужую и недоброжелательную территорию.

В конце коридора появляется мужчина. Он выходит из комнаты и останавливается, увидев нас. Высокий, широкоплечий, с черными волосами и темными, тяжелыми глазами. Он не улыбается, не делает ни одного лишнего движения. Просто пристально наблюдает, как мы приближаемся. Так смотрят люди, которые привыкли, что пространство под них подстраивается.

Значит, это и есть Дамир.

От него чувствуется сила, не требующая демонстрации. Такая, рядом с которой хочется держаться ровнее. Я выпрямляю спину еще сильнее и понимаю это уже после, когда тело успевает отреагировать раньше мыслей.

– Это Инесса, – говорит Айшат.

Он кивает.

– Проходите, – указывает рукой в кабинет, пропуская меня.

Кабинет строгий, выдержанный в тех же бежево-коричневых тонах. Большой массивный стол, стеллажи с папками, кожаное кресло. Из окна видно ухоженный участок. Замечаю, что дверь остается открытой. Похоже, здесь не прячутся за закрытыми дверями.

Дамир садится за стол и берет мое резюме. Начинает его листать медленно и вдумчиво. Поведя бровью, несколько раз качаюсь с пятки на носок. Мне не предлагают присесть – ни жестом, ни словом. Растерявшись, так и остаюсь стоять напротив стола, будто это тоже часть проверки.

В это время позволяю себе рассмотреть Дамира внимательнее: сильные руки, напряженные плечи, лицо, словно высечено из камня. Властный. Кавказский. Привыкший, что ему не возражают.

– Шулова Инесса Львовна. Воспитатель детского сада, – читает Дамир. – Семь лет. Почему ушли?

– Сокращение, – поясняю. – Учреждение закрыли.

Он кивает, не поднимая взгляда.

– Тридцать лет. Не замужем. Детей нет.

Его голос звучит ровно, но от чего-то создается давящее чувство в районе груди.

– Да, – говорю спокойно. – Детей нет. Это не мешает мне работать с ними профессионально.

Дамир поднимает глаза. Кажется, что взгляд становится тяжелее и внимательнее. Он оглядывает меня снизу вверх несколько раз и поджимает губы.

– Вы понимаете, что это не детский сад? – задает он вопрос. – Это дом. И ребенок, который потерял мать.

– Понимаю, – киваю. – Именно поэтому я здесь.

Пауза затягивается. Он изучает меня так, словно ищет слабое место: страх, желание оправдаться, неуверенность. Я стою ровно и не отвожу взгляд, хотя внутри все сжимается.

– Почему вы решили прийти именно сюда?

Делаю короткий вдох и сглатываю.

– Потому что вы ищете няню не на месяц.

Он смотрит долго. Потом откидывается на спинку кресла и тяжело вздыхает.

– Хорошо. Вы приняты.

В этот момент из глубины дома раздается стук. Я вздрагиваю от неожиданности и оборачиваюсь. Дамир тоже поворачивает голову. Лицо остается спокойным, но в глазах появляется напряжение.

– Это Руфина, – медленно произносит он.

Глава 2

Дамир

Руфина скинула планшет со стола, потому что у того села зарядка. Даже в тихом доме дочь напоминает, что жизнь не останавливается.

Я остаюсь в кабинете дольше, чем собирался. Проходит почти час с тех пор, как Инесса появилась в доме, а я все еще сижу за столом, глядя в монитор и делая вид, что работаю. Дом вокруг снова замирает, как будто возвращается в привычное состояние: тихое и сдержанное. Такое, каким он был при Заире. И каким остается уже семь месяцев после ее смерти.

На экране ноутбука проект загородного дома. Ломаная линия фасада, сложная геометрия, стекло и бетон. Я машинально вношу правки, двигаю элементы, проверяю расчеты. Проектирование – это то, что я умею лучше всего. Как архитектор, я привык доверять только чертежам и цифрам. В моей работе нет места сюрпризам: если сделать правильно – здание будет стоять десятилетиями. Если ошибиться в расчетах – все рухнет.

Но все мысли заняты другим. Точнее, другой: Инессой.

Ее образ появляется в голове слишком ясно: светлые волосы, собранные в косу; спокойное лицо; серые глаза. Она не суетилась, не пыталась понравиться, не говорила лишнего. Отвечала четко и по делу. Такое встречается редко, особенно после тех, кто был до нее.

– Слишком красивая, – вдруг произношу вслух и тут же сжимаю челюсть.

Мне становится неприятно от самого себя. Отведя взгляд от экрана, провожу рукой по лицу, будто могу стереть эту мысль физически.

Я недавно похоронил жену. Повторяю это про себя, как напоминание и запрет.

Перед глазами встает лицо Заиры – таким, каким я привык его помнить: спокойным, с мягкой улыбкой. Она не спорила, не перечила, не требовала. Заира всегда говорила, что мне виднее. Всегда соглашалась. Всегда была рядом.

Она справлялась с Руфиной так, будто для этого не требовалось усилий. А те, кто пришел после нее – нет. Нянь было много. Кто-то уходил сам, не выдержав. Кого-то увольнял я. Быстро и без объяснений.

Вернувшись к работе, заставляю себя сосредоточиться. Проект требует внимания. Клиент ждет. Жизнь не остановилась только потому, что у меня внутри пусто.

Когда за окном окончательно темнеет, я закрываю ноутбук. Откинувшись на спинку, прикрываю глаза. В мыслях всплывает образ Заиры. Я вижу ее так четко, будто она просто стоит рядом: опущенные ресницы, привычная мягкость в движениях, молчаливое согласие во всем. От этого внутри тянет и ноет.

Но образ вдруг меняется слишком резко. На его месте появляется Инесса. Тут же открыв глаза, чувствую, как на меня обрушивается раздражение.

Я злюсь на себя за эту подмену, за сам факт, что она вообще произошла. Это неправильно. Видимо, усталость и голод дают о себе знать. Пора ужинать. Поднимаюсь с кресла, резко отодвигая его, и выхожу из кабинета.

Запах еды встречает меня еще на лестнице. На кухне горит мягкий и теплый свет. Картина почти домашняя, если не знать, сколько в ней напряжения.

Инесса сидит напротив Руфины. Дочка в высоком стуле, раздраженная, с покрасневшими глазами. Ей год и десять месяцев, но она уже умеет устраивать сцены так, будто знает, что мир обязан под нее подстраиваться.

Инесса держит ложку с супом и что-то говорит ей спокойным, ровным голосом. Не уговаривает, а объясняет. Руфина мотает головой. Потом начинает резко и с надрывом плакать. Ноги брыкаются, а ложка едва не падает.

Меня накрывает резкое раздражение.

Заира бы так не делала.

У нее все выходило иначе. Легче. Без этого давления, без слез. Она знала, как успокоить. Как сделать так, чтобы ребенок ел. Иногда просто включала планшет и все.

Подхожу ближе, стискивая челюсть.

– Не мучайте ребенка, – говорю жестко, но сдержанно. – Дочке нравится есть из бутылки с соской.

Инесса поднимает голову и прямо смотрит на меня. В ее взгляде нет вызова, но и нет подчинения.

– Дамир, Руфине год и десять месяцев. Ей давно пора есть обычную еду.

Поджимаю губы, сдерживая себя.

– Заира ее не заставляла.

Имя звучит в воздухе тяжело, словно окончательный аргумент.

– Она ест, – цежу сквозь зубы. – Из бутылки. И перекусывает нормально. Фрукты. Печенье.

Инесса шумно выдыхает и не спорит. Сначала я думаю, что она подчинится, но ошибаюсь.

– Это не еда, – произносит она спокойно. – Это дополнение.

– Ее это устраивало.

– Ее не спрашивали, – продолжает Инесса. – Руфина не умеет держать ложку и вилку.

Совсем. Она не знает, что с ними делать, потому что у нее не было необходимости учиться.

Мне не нравится, как это звучит.

– Заира иногда кормила ее сама, – сажусь за стол, сцепляя пальцы в замок. – И проблем не было.

– Руфине почти два года. Она давно должна каждый день есть нормальную еду, а не время от времени, заменяя ее жидкой кашей из бутылки. Ей нужно учиться есть супы, второе, чувствовать текстуру, температуру. Это не каприз, это навык.

– Она плачет, – обрываю я.

Это должно быть аргументом. Конечной точкой. Ребенок плачет, значит, ему плохо. Значит, это нужно прекратить.

Все просто.

Но почему-то сейчас это не звучит так убедительно, как раньше.

Раздражение поднимается резко, почти мгновенно. Царапает изнутри и заставляет сжать зубы.

Плачь. Я не люблю этот звук. Он давит, выбивает из равновесия и ломает ритм, к которому я привык. С ним невозможно думать. Невозможно контролировать.

Раньше было иначе.

С Заирой этого почти не было. она не доводила до такого. У нее получалось иначе. Тише. Проще. Без этих истерик, без сопротивления, без необходимости что-то ломать и перестраивать. Руфина с ней не плакала так. Или... я просто не слышал?

Сдвигаю брови, чувствуя, как внутри появляется что-то неприятное. Мысль, которую я не хочу додумывать.

Я часто задерживался и приезжал поздно. Работа, встречи, проекты – всегда находилось что-то важнее. Я приходил, когда все уже было решено. Когда ребенок был накормлен, уложен, спокоен. Когда в доме была та самая тишина, которую я сейчас так отчаянно пытаюсь вернуть.

Я видел результат. Не процесс. И, возможно, мне просто казалось, что все было легче.

Челюсть сжимается еще сильнее.

Мне не нравится это чувство. Не нравится, что в этом есть сомнение. Даже намек на него. Потому что если допустить, что раньше было не так идеально, как я привык думать, тогда придется признать, что я сам что-то упустил.

А я не привык ошибаться в том, что касается моего дома.

– Потому что ей непривычно, – дергает Инесса плечом. – Не потому, что ей больно или плохо.

Мне не нравится, что она говорит слишком уверенно и профессионально. Как будто имеет право знать лучше. Она не просто дает советы, она ставит под сомнение то, как Руфину воспитывала Заира.

Айшат сосредоточенно накрывает на стол, расставляя тарелки с горячим ужином. Привычный стук приборов о столешницу кажется мне сейчас чересчур громким. Я чувствую на себе ее внимательный взгляд, пока Инесса продолжает стоять на своем, не пасуя перед моим тяжелым молчанием. Кухня внезапно кажется полем боя, где сталкиваются два разных мира.

Оглядев стол, замечаю отсутствие планшета.

– Где он? – интересуюсь.

– Я убрала, – произносит Инесса, понимая, о чем я. – Она слишком от него зависит.

Раздражение вспыхивает еще сильнее.

– И что в этом плохого? – резко спрашиваю я. – Она с ним спокойнее.

– Она с ним занята, – уточняет она. – Это разные вещи. Планшет заменяет ей все: внимание, еду, ощущения. А потом мы удивляемся, почему ребенок не может есть без соски.

Я смотрю на нее и понимаю: она не отступит. Не из упрямства, а из убежденности.

Это ужасно бесит.

Заира бы не стала говорить так. Она бы кивнула. Сказала, что я прав. А если бы и сделала по-своему, то так, чтобы я не заметил. Без конфликта и этого напряжения.

Руфина всхлипывает, Инесса берет ее на руки, прижимает к себе. Я чувствую странное, неприятное ощущение в груди. Не злость и не ревность. Скорее тревогу.

– Мы еще обсудим это, – говорю холодно.

– Конечно, – кивает Инесса.

Она не оправдывается и не извиняется. Просто продолжает держать дочку, как будто это самое естественное место для нее.

Я беру в руку вилку, но есть не могу. Смотрю, как Руфина постепенно успокаивается, как ее тело становится мягче. Это не похоже на то, как было с Заирой. Не лучше и не хуже.

Это и пугает.

Потому что я чувствую, как в доме снова что-то меняется. И я пока не знаю, смогу ли это контролировать.

Я слежу за Руфиной слишком внимательно. Ее тело, еще секунду назад напряженное до предела, постепенно обмякает. Руки, дергавшиеся в истерике, цепляются за Инессу уже иначе. Не отталкивая, а удерживая. Плач срывается на редкие всхлипы и затихает.

Это происходит слишком быстро.

Я хмурюсь, пытаюсь уловить, что именно здесь не так. Раньше все заканчивалось иначе. Если Руфина начинала плакать, ей давали то, что она хотела. Соску. Планшет. Бутылку. Что угодно, лишь бы не доводить до этого состояния. Не доводить до этого крика, до этого надрыва.

И это работало.

Плач обрывался почти сразу. Дом снова погружался в тишину. Никаких сцен, никаких истерик, никаких попыток что-то переломить.

Я привык к этому. К тому, что проблем нет, если их вовремя сгладить. А сейчас передо мной то, что раньше просто не допускалось. Плач, который не остановили сразу. Ребенок, которого не отвлекли. И женщина, которая не спешит это прекратить.

Мне это не нравится. Не нравится сам подход. Не нравится, что она не пытается сделать проще. Быстрее. Тише.

Инесса держит ее. Просто держит. И ждет.

Я не понимаю, как это вообще может работать. Но оно работает. Руфина прижимается к ней сильнее, утыкаясь лицом в плечо. Маленькая ладонь скользит по ткани, цепляется, как будто боится отпустить.

Мне не нравится ни сама картина, ни то, что она со мной делает.

Чересчур... правильно. И слишком живо для дома, который привык к тишине.

Я смотрю на Инессу и понимаю, что дело не в том, что она делает. Дело в том, что она не дает легкого выхода. Не дает привычного способа все заглушить. И все равно справляется.

Постучав указательным пальцем по столу, ловлю себя на простой и неприятной мысли: Инесса задержится здесь ненадолго.

Не потому, что она плохая. Именно наоборот. Она слишком уверена. Спокойна. Много знает и не боится говорить об этом вслух. Она не подстраивается, не ищет одобрения, не делает вид, что мне виднее во всем.

Предыдущие няни были другими. Проще и удобнее. Они либо сдавались сами, либо начинали соглашаться со мной во всем.

Инесса не похожа ни на тех, ни на других. Я смотрю на нее исподлобья, на то, как она держит Руфину, как не спешит вернуть ее за стол и понимаю, что это раздражение не уйдет. Оно будет накапливаться.

Я уже думаю о том, сколько времени ей потребуется, чтобы перейти грань. День. Неделя. Месяц. И в какой момент мне придется сказать, что она не справилась.

Глава 3

Инесса

Неспеша укладываю Руфину, как будто от темпа моих движений зависит, удастся ли нам обоим расслабиться. В детской полумрак, небольшой ночник горит теплым светом. Воздух пахнет детским кремом и чем-то сладким, молочным. Я ловлю себя на том, что начинаю дышать в такт ее дыханию – глубже, медленнее, будто это может передаться ей и успокоить нас обеих.

Руфина лежит у меня на руках, теплая, тяжелая для своего возраста, и я снова замечаю то, на что не могу не обращать внимание: соска. Она во рту постоянно. Не просто перед сном – всегда. Как будто это не предмет, а продолжение ее самой. Руфина не выпускает ее даже сейчас, когда глаза уже слипаются, ресницы дрожат, а дыхание становится глубже. И в этом есть что-то тревожное – не детская привычка, а будто маленькая, тихая зависимость, за которую она цепляется сильнее, чем за людей.

Я осторожно укладываю девочку в кроватку. Она тут же переворачивается на бок, поджимает колени и находит пальцами угол своего одеяла. Начинает теревить его быстро, нервно, неосознанно. Ткань уже зажевана и скручена от бесконечного перебирания маленькими пальцами. Это не игра – это ее тихий способ справляться со страхом. Я вижу это слишком ясно. И от этого становится не по себе, словно я подсматриваю за чем-то очень личным, к чему меня никто не готовил.

Выпрямившись, закусываю нижнюю губу и наблюдаю за Руфиной. Во мне поднимается странное чувство: смесь жалости, тревоги и какой-то ответственности, которую я не просила, но уже не могу отложить в сторону.

Соска. Одеяло. Планшет. Три костыля вместо спокойствия. Если убрать хотя бы один, она, возможно, просто не удержится. А если не убрать – она так и не научится стоять сама.

Руфина не умеет засыпать сама. Не умеет просто закрыть глаза и отпустить день. Ей все время нужно что-то во рту, что-то в руках, что-то перед глазами. В голове возникает неприятная и преждевременная мысль: придется убирать не только планшет. Придется убирать и соску.

Не сейчас. Не резко. Но скоро. Только от этого «скоро» внутри все сжимается, потому что я уже представляю ее плач, сопротивление, и то, как мне придется выдержать это до конца.

Выйдя из детской, прикрываю дверь. В коридоре тихо. Дом ночью кажется слишком большим для одного ребенка. И слишком пустым для такого количества взрослых. Пустота здесь почти осязаемая. И она не в стенах, она в том, как здесь живут.

На цыпочках дохожу до своей комнаты и, не включая основной свет, скрываюсь за дверь. Быстрый душ не приносит желанного расслабления. Забравшись под одеяло, пытаюсь провалиться в сон, но тело отказывается подчиняться. Несмотря на то, что день был бесконечным и выматывающим, сон не идет. Я ощущаю усталость в каждой мышце, но внутри напряжение, будто меня оставили включенной.

Я ворочаюсь с боку на бок, взбиваю подушку, но перед глазами настойчиво всплывает лицо Дамира во время разговора на кухне. Его колючий непроницаемый взгляд и то, как он был напряжен, когда я заговорила о Заире. Снова и снова прокручиваю этот момент, пытаюсь понять, где именно задела что-то болезненное.

В нем столько силы, которая сейчас работает против него самого. Он защищает память о жене как крепость, не понимая, что в этой крепости задыхается его собственная дочь. Странно, но его гнев не пугает меня так, как его одиночество – такое же огромное, как этот дом. Это одиночество чувствуется почти физически: в его взгляде, в том, как он не смотрит на ребенка. Он кажется человеком, который привык нести весь мир на своих плечах, но совершенно не знает, что делать, когда этот мир начинает трещать по швам. И я ловлю себя на мысли, что, возможно, он даже не замечает этих трещин.

Утро начинается с водных процедур. Умывание дается Руфине тяжело – она хмурится, отталкивает мои руки, недовольно мычит. Ни слов, ни попытки что-то сказать. Только звук, короткий и раздраженный. Я понимаю, что жду от нее хотя бы «а», хотя бы «ма». Любой звук, который был бы не просто реакцией, а попыткой контакта.

Ничего.

На кухне прошу Айшат приготовить кашу. Обычную. Не жидкую, не из бутылки. Она смотрит на меня с сомнением, но кивает. Айшат вообще кивает чаще, чем говорит. Мне почему-то кажется, что она тоже привыкла не вмешиваться, а просто выполнять.

Руфина сидит в стуле напряженная, соска, конечно, при ней. Ее пальцы сжимают край столика, плечи приподняты. Кажется, она готова сопротивляться. Я убираю соску в сторону, прежде чем поставить перед ней тарелку. Она тут же тянется, хмурится и ищет.

– Потом, – говорю мягко.

Взяв ложку, зачерпываю кашу. Она теплая и пахнет молоком. Первая попытка – провал. Руфина выплевывает все. Каша стекает по подбородку, она морщится, почти плачет. Вторая ложка – снова мимо. Третью она все-таки проглатывает.

Я считаю это победой. Маленькой, хрупкой, но настоящей – той, за которую приходится бороться.

– Молодец, Руфина, – говорю тихо, но искренне, хваля каждую ложку. – Вот так, все правильно.

Она морщится, но ее взгляд сияет, а на губах расцветает едва заметная улыбка. Именно этот крошечный триумф над ее молчанием и нежеланием есть превращает все утренние трудности в нечто стоящее. Одна такая улыбка – и я готова начинать этот бой сначала. Наверное, именно из-за таких мгновений я уже не могу оставаться равнодушной.

В этот момент из коридора доносятся шаги. Подняв голову, вижу девушку, которая входит на кухню так, будто всегда здесь жила. Высокая, ухоженная, с прямой спиной и быстрым взглядом. Она не смотрит по сторонам – сразу оценивает. Меня. Ребенка. Обстановку. Ее холодный и пренебрежительный взгляд задерживается на мне на секунду дольше, чем нужно. Мгновенно чувствую себя лишней, как будто меня здесь проверяют на право находиться.

Я вдруг понимаю, кого она мне напоминает, и это понимание неприятно царапает изнутри. Те же волосы, угольного цвета. Те же черные глаза. Те же черты. Та же линия скул. А еще... тяжелый запах духов.

– Это что? – спрашивает она, кивнув на тарелку, как на что-то сомнительное.

– Каша, – поясняю.

Девушка фыркает и прищуривается.

– Заира никогда не кормила ее этим.

В ее голосе нет уточнения – только констатация. Как будто слово «никогда» должно автоматически поставить меня на место.

Руфина выплевывает последнюю ложку, размазывая кашу по столу.

– Видите? – произносит она лениво, не повышая голоса. – Ребенок сам показывает, что вы делаете неправильно.

Я не отвечаю. Вытираю подбородок Руфины и думаю, что ребенок сейчас показывает совсем другое – что его впервые о чем-то спрашивают, а не просто затыкают бутылкой. А мне важно удержаться не ради нее, а ради себя и ребенка.

Не дождавшись моего ответа, девушка цокает языком, закатывая глаза.

– Где Дамир? – спрашивает она.

– Он на работе, – отвечает Айшат.

– Я подожду, – говорит она и уходит, не оглядываясь.

Повернув голову, выгибаю бровь, вопросительно глядя на Айшат.

– Это Зарина, – тихо говорит она. – Сестра Заиры.

Я киваю. Теперь все встает на место. Много становится понятным и от этого не легче.

Днем я пытаюсь заниматься с Руфиной. Слово «заниматься» звучит слишком громко для того, что происходит на самом деле. Я ставлю перед ней горшок. Она трогает его, стучит по нему ладонями, заглядывает внутрь, улыбается. Но садиться отказывается. Я не настаиваю и просто убираю в сторону. Пока что важнее не напугать, чем добиться результата.

– Заира справлялась без всех этих... методик, – говорит Зарина с легкой усмешкой. – Но, конечно, у вас сейчас модно все усложнять.

Я думаю о том, что модно – это удобная отговорка для тех, кто не хочет признавать, что раньше было проще просто не замечать. И мне приходится буквально сдерживать слова, которые так и просятся наружу.

– Вы слишком много от нее хотите, – говорит Зарина, скрестив руки. – Это не детский сад. Это дом.

Чувствую, как слово «дом» она произносит с ударением. Словно это не место, а территория. И я здесь чужая. Временная. Проверяемая.

Чтобы избежать общения с Зариной, беру Руфину на руки и выхожу из детской. Идя по коридору, показываю ей фотографии. Заира – молодая, красивая, улыбающаяся. Заира с ней на руках. Снова снимок Заиры, где она одна. Портреты в рамках, расставленные по дому, будто напоминание, которое никто не решается убрать. Будто дом застрял в прошлом и не готов двигаться дальше.

– Это мама, – останавливаюсь напротив портрета, который, кажется, написан маслом.

Руфина смотрит сквозь него. Не улыбается, не тянется, не реагирует. Как будто перед ней просто картинка.

Мне становится не по себе. Слишком пусто в ее взгляде.

– Она еще маленькая, – говорит Зарина, стоя сзади меня. – Не надо травмировать ребенка.

Травмировать – странное слово. Будто травма – это изображение матери, а не пустой взгляд ребенка.

– Вы здесь временно, – бросает она между делом. – Не забывайтесь.

Я снова не отвечаю и делаю вид, что не слышу. Не потому, что мне нечего сказать. А потому, что я здесь не для нее.

Зарина проходит мимо меня, и я уже готова выдохнуть от облегчения, но она останавливается. Повернув голову, она смотрит через плечо.

– Если что-то пойдет не так, – говорит она тихо, почти ласково, – я скажу Дамиру.

Она улыбается, но от этой улыбки хочется передернуть плечами. Я понимаю: она не просто наблюдает. Она ждет ошибки. От этого внутри появляется холодная собранность как перед экзаменом, где нельзя оступиться.

К концу дня картинка складывается слишком ясно. Руфиной не занимались. Ее не учили. Не развивали. Ее просто удерживали в спокойствии – экраном, соской, тишиной. Она просит планшет жестами, мычанием, взглядом. Она не говорит. Ни «мама», ни «папа». Ничего.

Это не задержка. Это пустота. А пустоту нельзя просто «подправить», ее придется заполнить с нуля.

Когда вечером открывается дверь и в дом входит Дамир, Зарина оказывается рядом первой. Она буквально подбегает к нему, обнимает, вешается на шею, что-то быстро говорит, смеется.

Я смотрю на Руфину.

Она сидит на полу. Соска во рту. Планшета нет, и она раздражена. Но на отца она не реагирует никак. Ни шагом. Ни взглядом. Ни звуком.

Как будто он просто еще один взрослый в этом доме. Кажется, проблема гораздо глубже, чем я думала вначале. Намного глубже.

Глава 4

Дамир

Пытаюсь пройти вглубь дома, но мне мешает Зарина. Она обнимает, цепляется за шею, прижимаясь всем телом. Я не отталкиваю ее. Но и не отвечаю на объятия. Она сестра Заиры, и ее присутствие в этом доме давно стало привычным фоном. Стою неподвижно, ожидая, когда она закончит этот ритуал.

– Ты поздно, – говорит она с мягкой претензией, не спеша отстраняться. – Я уже начала думать, что ты задержишься.

– У меня ненормированный график, Зарина. Я был на работе, – отвечаю, глядя поверх ее головы.

Она отступает, наконец давая мне пройти. Сведя брови у переносицы, останавливаюсь на пороге гостиной. Игрушки разбросаны по ковру. Плюшевый мишка у дивана, мягкая книга вверх ногами, кубики под столом. Это раздражает. Этот дом не должен выглядеть так. Порядок – единственное, что удерживало меня на плаву все это время.

На полу сидит Инесса, на одном уровне с Руфиной. Она не нависает, не командует, не торопит. Что-то говорит тихо, почти шепотом, проводит игрушкой по ковру. Руфина смеется. Не истерично, не громко, а спокойно. Так, как я не слышал раньше.

Мне это не нравится. И нравится одновременно.

– Почему вы здесь? – задаю вопрос.

Подняв голову, Инесса смотрит на меня.

– Руфина не хочет возвращаться в детскую, – отвечает она. – Плачет, если ее уводить. Здесь ей спокойнее.

– У нее есть своя комната, – говорю жестко. – И там все необходимое.

– Да, – соглашается Инесса. – Но сейчас ей важнее не обстановка, а чувство, что ее не оставят.

– Это просто привычка, – тут же вмешивается Зарина, подходя ближе к моему плечу. – Дети быстро понимают, где можно манипулировать.

Я молчу, разглядывая хаос на ковре.

– Заира не позволяла такого, – продолжает Зарина, и ее голос звучит как эхо из прошлого. – Она всегда держала границы.

Имя покойной жены ложится тяжелым грузом. Я чувствую, как внутри что-то сжимается от боли.

– Я говорю не о границах, – произносит Инесса, глядя на меня, а не на Зарину. – Я говорю о реакции ребенка.

– Вы слишком быстро решили, что знаете лучше, – бросаю я Инессе.

– Я не решаю. Я наблюдаю.

Раздражение колючим комом встает в горле, и мне жизненно необходимо прервать этот спор, пока я не наговорил лишнего.

– Айшат! – кричу, сдерживая нарастающую ярость. – Накрывай ужин через пятнадцать минут.

Не дожидаясь ответа и не глядя больше на Инессу, разворачиваюсь и иду к лестнице. Тяжелые папки с документами, которые я принес из офиса, кажутся неподъемными, но сейчас они мой единственный легальный способ сбежать.

Я быстро иду по коридору в сторону кабинета. Каждой клеточкой спины ожидаю, что Зарина двинется следом, чтобы продолжить свой монолог о «правильном воспитании» и «границах», которые так бережно хранила ее сестра. Уже готов услышать стук ее каблучков по пар-

кету, но, переступив порог своего святилища и плотно закрыв дверь, с облегчением понимаю, что за мной никто не пошел.

В кабинете царит тишина. Я кладу документы на стол и собираюсь вернуться обратно, но на несколько секунд просто закрываю глаза, прислонившись лбом к прохладному дереву дверного косяка.

За ужином почти не ем, а наблюдаю. Инесса кормит Руфину фрикадельками с овощами. Медленно. Терпеливо. Руфина морщится, часть еды выплевывает, но все же ест. Не идеально, но ест. Инесса не торопит, не уговаривает, не отвлекает планшетом.

– Она раньше такого не ела, – замечаю, постукивая пальцем по столу.

– Потому что ей не предлагали, – пожимает плечами Инесса.

– Ей хватало бутылочки, – резко вставляет Зарина. – И она была спокойна. Не устраивала сцен. Заира считала, что не нужно давить на ребенка.

– Спокойствие – не всегда показатель нормы, – говорит Инесса ровным голосом.

– Вы сейчас намекаете, что моя сестра делала что-то не так? – холодно спрашивает Зарина.

– Я намекаю на то, что вижу сейчас, – отрезает Инесса.

– Хватит, – резко обрываю, рывкнув на всю кухню.

Они обе смотрят на меня.

– Не лезь в это, Зарина, – предупреждаю, даже не глядя в ее сторону. – Я сам разберусь с няней.

На кухне воцаряется звенящая неуютная тишина. Зарина поджимает губы, этот жест у нее получается один в один как у Заиры.

Ужин кажется безвкусным, словно я жую картон, но я заставляю себя работать ножом и вилкой, лишь бы не вступать в новый диалог. Однако, несмотря на желание дистанцироваться, мой взгляд раз за разом возвращается к противоположному краю стола.

Там Инесса продолжает кормить Руфину. Я наблюдаю за ними украдкой. Заира всегда ела идеально. Она требовала такой же чистоты и от Руфины, превращая каждый прием пищи в строгий ритуал. А здесь... здесь овощи размазаны по щеке дочери, на столе кусочки фрикаделек, но Руфина смотрит на Инессу с такой непривычной, жадной надеждой, словно боится, что та исчезнет, стоит ей отвести взгляд.

Это злит меня и завораживает одновременно. Инесса ставит под удар все, во что я верил. Но прямо сейчас, глядя, как моя дочь послушно открывает рот, я не могу отрицать очевидное: в этом беспорядке больше жизни, чем было во всей нашей стерильной «гармонии».

Допивая остывший чай, чувствую, как внутри ворочается тяжелое предчувствие. Мой мир не просто дает трещину – он начинает рушиться под взглядом женщины, которую я сам привел в этот дом.

Когда Инесса уводит Руфину спать, Зарина тут же оказывается рядом и кладет руку мне на плечо. Ее присутствие кажется мне излишним и навязчивым, как шум старого радио.

– Ты слишком мягок с ней, – говорит она. – Она всего лишь наемная работница. Не позволяй ей разрушать то, что строила Заира.

– Убери руку, – спокойно прошу.

Она подчиняется, но ее взгляд все еще ищет моего одобрения.

– Ты устал. Тебе нужно отдохнуть. Я могу остаться сегодня, присмотреть за порядком, – предлагает она.

Я смотрю на нее и не чувствую абсолютно ничего. В ней нет того, что могло бы зацепить мой взгляд или мысли. Она – память о Заире, и только.

– Иди к себе, Зарина. Я хочу тишины.

Вытерев рот салфеткой, встаю из-за стола.

– Айшат, передай Инессе, чтобы зашла ко мне в кабинет, – прошу ее и направляюсь в кабинет.

Мне нужно остыть и вернуться в состояние равновесия, которое эти женщины разрушили всего за один вечер. Сидя за столом, бессмысленно смотрю в открытую папку, но чертежи расплываются перед глазами.

Короткий четкий стук в дверь заставляет меня выпрямиться.

– Войдите, – буркаю.

Инесса входит уверенно. Слишком спокойно для человека, которого только что отчитывали при всех.

– Мне не нравится, что вы устанавливаете здесь свои порядки, – начинаю сразу. – Это мой дом.

– А моя ответственность – ваша дочь, – она останавливается напротив стола. – И ей сейчас плохо в тех рамках, которые вы создали.

– Заира делала иначе. И я не позволю сомневаться в ее методах.

Поднимаюсь на ноги, подходя ближе к ней.

– Возможно, о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.